

"ПЕДАГОГИКА ИСКУССТВА"

№4 2008 год

методика интеграции искусств

Стукалова Ольга Вадимовна, кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории интеграции искусств ИХО РАО
e-mail: chif599@mail.ru

Интегративные процессы в современной культуре в контексте идей Ю. М. Лотмана (педагогический аспект)

Во второй половине XX в. утвердилось значение концепции «возможных миров» и синергетики как общенаучного подхода, что открыло перспективу для новой интерпретации культурных феноменов и их взаимосвязей. Эти направления задают стереоскопическую перспективу онтологического прояснения «логики творчества» (В. С. Библер). Осознание важности ставшего почти повсеместным быстрого культурного изменения привело ко все большему осознанию процессуального аспекта интеграции.

Учеными неоднократно отмечалось, что интеграция не происходит автоматически, что изменение в одних элементах культуры не вызывает немедленного приспособления к ним других ее элементов, и, более того, именно постоянно возникающая рассогласованность – один из важнейших факторов внутренней культурной динамики.

Понятие «культурная интеграция» включает представление о состоянии внутренней целостности культуры и согласованности между ее различными элементами. Термин «культурная интеграция» появился в трудах американских культурологов. «Культурная интеграция» интерпретируется разными исследователями по-разному: как логическая, эмоциональная или эстетическая согласованность между культурными значениями; как соответствие между культурными нормами и реальным поведением носителей культуры; как функциональная взаимозависимость между различными элементами культуры (обычаями, институтами, культурными практиками и т. п.).

В целом, в мировой научной мысли на сегодняшний день накоплен огромный объем идей, представлений и концепций, позволяющий давать научно-философскую интерпретацию процессам культурной интеграции с разных познавательных-гносеологических позиций: с точки зрения закономерностей эволюционных изменений, исторического развития, исходя из постмодернистских представлений о фрагментарности культурных динамических полей; в терминах философского анализа.

Немалый вклад в развитие теории культурной интеграции внесли исследователи, работавшие в рамках структурно-функционального подхода, теории конфликтов, синергетики. Подобный междисциплинарный синкретизм и методологический плюрализм следует признать естественным – он неизбежен при анализе такого базисного явления, как культурная интеграция. Сложность взаимодействия различных процессов в культуре делает различные подходы к изучению культурной интеграции взаимодополняющими по отношению друг к другу.

Широкий аналитический диапазон в изучении культурной интеграции позволяет говорить о многообразии позиций в понимании характера ее процессов. Аналитики признают значимость в динамических изменениях поступательно-линейных векторов развития, хотя очевидно, что этот вид культурной интеграции является далеко не единственным и часто не ведущим по значимости. Как правило, он дополняется или чередуется с фазовыми, циклическими или этапными изменениями, могущими перерасти в волновое развитие, в развитие по кругу.

В качестве варианта циклического развития культуры выделяют инверсионное развитие, которое реализуется в форме «маятниковых колебаний» культурных изменений. Одна из форм перехода от постепенных изменений к резкому обновлению и инновациям – взрыв (в понятиях синергетики

«точка бифуркации»), т. е. резкое повышение удельного веса перемен, а также изменение вектора развития с набором нескольких альтернатив будущего. Изменения могут вести к обогащению и дифференциации культуры. Однако нередко изменения, ведущие к ослаблению дифференциации, к упрощению культурной жизни, к ее аномии, что интерпретируется как упадок и деградация, переходящие в кризис культуры.

В особое состояние выделяют культурный застой, состояние длительной неизменности и повторяемости норм, ценностей, смыслов, знаний. Застой следует отличать от устойчивости культурных традиций; он наступает, когда традиции доминируют над инновациями, подавляют их.

Своеобразен подход сторонников постмодернистской парадигмы к интерпретации культурных изменений. Для них культурная интеграция (анализ в рамках постмодернизма проводится обычно на примере духовных областей культурной активности, нередко – художественной практики, искусства) – не рост, не развитие, не целенаправленное распространение, а принципиально иной тип движения, который обозначается термином «ризом» (беспорядочное распространение, «движение желания», лишённое направления и регулярности).

В целом для культурной интеграции характерен устойчивый порядок взаимодействия ее компонентов, периодичность, стадийность, направленность. Ряд аспектов культурной интеграции имеют симметричные по структуре механизмы, отличающиеся знаком направленности.

Можно говорить об интеграционной или дезинтеграционной, восходящей или нисходящей культурной интеграции, об эволюционном или революционном характере ее изменений.

При выделении деятельностной стороны изменений, можно говорить о культурной интеграции в разных сферах культурной активности, например, об интеграции политической культуры, сферы национальных отношений, религиозной, художественной или коммуникативной деятельности и т. д. Выделяется также интеграция, характерная для определенных функциональных отношений в культуре, например, интеграция коммуникативных отношений и др.

Процессы культурной интеграции интерпретируются и как проявление способности сложных социальных систем адаптироваться к меняющимся внешним и внутренним условиям своего существования.

Таким образом, фундаментальным импульсом культурной интеграции выступают не идеи, не интересы, страсти и желания людей, а объективная необходимость адаптации общества и культуры к меняющейся вне и внутри ситуации.

Ряд факторов, определяющих культурную интеграцию связан с определенными областями культурной активности и социального взаимодействия, в рамках которых создаются предпосылки и для появления нестабильности, отклонений, противоречий и для их разрешения и преодоления: общественное взаимодействие; взаимодействие разных культур; взаимодействие в области ценностно-символического, образного понимания; взаимодействие в области научно-познавательной, информационной и управленческой активности.

В рамках указанных областей формируется также совокупность условий, способов и состояний, через которые проявляются процессы культурной интеграции. Взятые в целом факторы, конкретные условия проявления и способы осуществления культурной интеграции выступают механизмами ее реализации.

К настоящему времени достаточно подробно описаны механизмы культурной интеграции, действовавшие в определенные периоды истории или продолжающие действовать в ряде конкретных областей культурной практики, например, в области взаимодействия национальных культур, в области распространения и потребления материалов средств массовой информации в художественной культуре и др.

Анализ, осуществленный М. Вебером на примере влияния религиозных представлений протестантизма на развитие рыночных отношений, выступает классическим примером изучения механизмов ускорения культурной интеграции под влиянием взаимодействия двух типов факторов – ценностно-символических и хозяйственных.

Важнейшие предпосылки для изучения особенностей процесса культурной интеграции содержатся в трудах крупнейшего отечественного культуролога, семиотика, филолога, философа Юрия Михайловича Лотмана.

Все разнообразные научные интересы объединялись в исследованиях Лотмана в феномене культуры: «К чему бы ни обращался в своем анализе Лотман, – ... литературному процессу, явлениям театрального и киноискусства ... к бытовому поведению дворян ... – везде Лотман видел тексты культуры, обнаруживающие свою знаковую и символическую природу» (Кондаков И. В. Юрий Михайлович Лотман // Культурология XX век. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. С. Я. Левит // <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt068.htm>).

Понятие «текста культуры» универсально. Этот подход позволил создать новаторское направление в культурологии, включив в нее литературоведение, лингвистику, семиотику и другие отрасли гуманитарного знания.

Первоначально культурологическая концепция Ю. М. Лотмана складывалась в рамках чисто филологических исследований. Так, статья «Идейная структура "Капитанской дочки"» (1962) вплотную примыкает к образцам вполне традиционного для ленинградской школы историко-литературного анализа (Г. А. Гуковский, Н. И. Мордовченко, Ю. Н. Тынянов и Б. М. Эйхенбаум).

Между тем понятие «идейная структура» не случайно вынесена в заглавие статьи: два идейно-стилистических пласта повести, два мира – дворянский и крестьянский, – это контрастирующие смысловые пространства, выстраивающиеся как оппозиция «свой – чужой».

Любой персонаж, оказавшийся в этом пространстве, вынужден хотя бы однажды пересекать границу, разделяющую то и другое семантическое поле, т. е. оказывается перед выбором системы ценностей, критериев оценки поступка, перед нравственным, социально-политическим и даже эстетическим выбором.

Таким образом, в рамках вполне традиционного филологического анализа идет выявление смысловых оппозиций (впоследствии широко привлекаемых Лотманом при структурном анализе поэтических текстов), и эта дихотомия, как показывает анализ, осуществленный ученым, пронизывает все уровни и срезы семантики пушкинской повести: социальный, идеологический, художественный, этический, языковой, символический.

По существу, идейная структура литературного текста показана как рефлексия всей русской культуры этого времени, включая структуры поведения, сознания, властных притязаний, литературы, творчества, быта, морали и т. д.

Поляризация русской культуры в разгар пугачевского бунта достигает такой степени непримиримости, что нагнетание взаимной жестокости со стороны и одного, и другого лагеря оказывается неизбежным и непредотвратимым: у каждого стана – своя правда, своя мораль, своя эстетика, своя жизненная философия, и это взаимоисключающие системы норм.

В других своих работах Лотман рассматривает и решает теоретические вопросы структурного и семиотического изучения литературы, искусства, но все чаще – культуры в целом:

- проблема сходства искусства и жизни в свете структурального подхода;
- разграничение лингвистического и литературоведческого понятия структуры;
- игра и природа искусства с семиотической точки зрения;
- знак в искусстве;
- проблема значений во вторичных моделирующих системах;
- типология текстов;
- проблема типологии культуры;
- проблемы читательского восприятия;
- искусство в ряду иных моделирующих систем;
- метаязык типологических описаний культуры;
- две модели коммуникации в системе культуры и т. п.

«Лекции по структуральной поэтике» (1964) посвящены главным образом структуре стиха. Даже в разделах, посвященных теоретическим вопросам искусства (искусство как семиотическая система; искусство и моделирование; текстовые и нетекстовые структуры и т. д.), речь шла по преимуществу о стихотворном материале и стихосложении.

Однако уже в этой книге очевиден основной тезис будущей концепции Ю. М. Лотмана: структурная поэтика (в отличие от поэтики традиционной, описательной) исходит из того, что наблюдаемый феномен – лишь одна из составляющих сложного целого, а значит, любой текст должен рассматриваться в некотором контексте, в сопоставлении и противопоставлении ему.

Это, в частности, означало, что стихотворный текст может быть понят лишь в сопоставлении с прозаическим, искусство – на фоне нехудожественных явлений и т. д.

В монографии Ю. М. Лотмана «Структура художественного текста» (1970) рассматриваются такие проблемы, как: множественность художественных кодов; иерархическое строение текста; проблема информационного «шума», синтагматика и парадигматика текста; художественный смысл повторов; композиция и сюжет; точка зрения; типология текстов и внетекстовых структур.

Показательно, что, несмотря на преобладание литературных, в том числе и стихотворных, примеров анализа, текст понимается автором гораздо шире, нежели просто литературный. Так, вводя в связи с рассмотрением композиции словесного художественного произведения понятие «рамки», Лотман обращался к значениям границы текста, отделяющей его от «нетекста». Здесь возникают театр с рампой, картина в живописи, которая может в определенных случаях рассматриваться сама как особый текст, экран в кино и понятие кинематографического «плана», начало и конец музыкального произведения и, наконец, отношение искусства к реальности как «конечной модели бесконечного мира», как отображение целого в эпизоде, как отображение одной реальности в другой, т. е. всегда как перевод.

Ю. М. Лотман использует и пример из внехудожественной области – анализ исходных положений геометрии Лобачевского, где как текст особого рода рассматривается модель геометрического пространства. Отсюда утверждается и такая значимая проблема, как проблема художественного пространства – совокупности однородных объектов, связанных между собой определенными смысловыми отношениями.

Язык пространственных отношений, перенесенный в плоскость «чисто идеологического моделирования», становится одним из основных средств осмысления действительности: «высокий – низкий», «правый – левый», «близкий – далекий», «открытый – закрытый», «дискретный – непрерывный» и т. д. Возникающие в ходе подобного моделирования «картины мира» характерны для каждого данного типа культуры, тем самым распространяясь на структуры житейского поведения и философские построения, на мифологию и философско-поэтическое осмысление природы и т. д.

В свете возникающих в сознании бинарных сопоставлений и противопоставлений любое смысловое пространство (в том числе и художественное) оказывается внутренне поляризованным, а подчас и строго разграниченным. Подобное сосуществование неоднородных смысловых полей приводит к осознанию границы между ними как проблемы.

Взаимодействие контрастных подпространств одного текста воспринимается как столкновение двух миров (персонажей, присущих им представлений о структуре мира). Так, осмысление структуры пространственных отношений в культуре приводит к новым пластам проблематики: сюжета, понимаемого как цепочка перемещений персонажа через границу семантического поля, и точки зрения, становящейся средством выражения мировоззренческой (интерпретирующей, оценочной) позиции автора или персонажа и тем самым выходящей за пределы пространственной семантики (хотя точка зрения возникает именно как пространственное выражение смысловых отношений).

Ученый осваивал все более широкий спектр смежных проблем семиотики, обретающих смысл лишь в широком историческом и типологическом контексте культуры – ведь только в таком универсальном контексте можно сопоставлять искусство с другими знаковыми системами, сравнивать типы значений, текстов, коммуникаций, восприятия текста, научных методологий, работающих с текстами на разных уровнях и в разных аспектах их осмысления, культурных языков и метаязыка, с помощью которого можно «переводить» тексты с одного культурного языка на другой.

Рассматривая русскую культуру как тип культуры с бинарной структурой, Лотман видит исторический шанс для России «перейти на общеевропейскую систему и отказаться от идеала

разрушать «старый мир до основания, а затем» на его развалинах строить новый» (Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 257–270). Одновременно Лотман раскрывал возможности новой литературоведческой (шире – культурологической) методологии при анализе конкретных текстов – поэтических и прозаических, изобразительного искусства и кино, театра и общественно-политической жизни, мифологии и философии. В конце 1980-х гг. Лотман обратился к проблемам взаимодействия различных типов культур, механизма исторической случайности, «смуты».

Согласно концепции Лотмана, развитие современной культуры определяется, в первую очередь, коммуникационными процессами: «Недостаточность информации, находящейся в распоряжении мыслящей индивидуальности, делает необходимым для неё обращение к другой такой же единице. ... Польза партнера по коммуникации заключается в том, что он другой» (Лотман Ю. М. Феномен культуры // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 34-45.).

Ученый вводит в науку понятие «семиосферы», которая представляет собой особое семиотическое пространство, в сущности, равное культуре. Обязательными законами построения семиосферы являются бинарная оппозиция и асимметрия (функциональная асимметрия полушарий головного мозга). Этим проблемам, в частности, посвящена работа «Внутри мыслящих миров» (1990 г.).

Бинарная структура, бинарная оппозиция – одно из средств познания мира, которое было осознано в XX в. Двоичность восприятия окружающего мира обусловлена тем, что мозг человека разделен на два полушария, выполняющих свою функцию. В описании любой картины мира лежит бинарность: жизнь – смерть; прошлое – будущее и т. д.

Представление о семиосфере связано с одной из ключевых идей ученого о культуре как «надындивидуальном интеллекте», или «сверхиндивидуальном единстве», которое:

- обладает всей полнотой информации;
- соединяет «различные индивидуальности в мыслящее целое», создавая, таким образом, общее семиотическое пространство.

Лотман обозначил это пространство термином «семиосфера», по аналогии с «ноосферой» академика В. И. Вернадского. Однако если ноосфера имеет материально-пространственное бытие, развиваясь как часть космоса, то семиосфера, согласно определению Лотмана, представляет собой пространство, в котором совершается «реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации», т. е., собственно, культуры.

Семиосфера характеризуется рядом признаков:

- во-первых, ей присуща «отграниченность» от окружающего ее внесемиотического или иносемиотического пространства. Другими словами, в определение культуры всегда входит понятие границы, которое «соотносительно понятию семиотической индивидуальности».

Осознание границы зависит от способа кодирования, т. е. разграничения «своего» и «чужого». Поэтому граница – это билингвальный механизм, переводящий внешние сообщения на внутренний язык семиосферы и наоборот. В то же время все механизмы перевода, обслуживающие внешние контакты, принадлежат к структуре семиосферы;

- во-вторых, семиосфера обладает структурной неравномерностью. Это значит, что нессемиотичность внешнего пространства в одном отношении может вполне обернуться семиотичностью в другом.

Кажущееся посторонним с точки зрения данной культуры, для внешнего наблюдателя может представиться ее семиотической периферией. Это позволяет рассматривать семиосферу в разрезе ядра и периферии. В ядре располагаются доминирующие семиотические системы, имеющие в основном замкнутый, самодостаточный характер.

Напротив, периферийные семиотические образования представлены отдельными фрагментами или частями информации. Однако выступая в качестве «чужих» для данной системы, они выполняют в целостном механизме семиосферы функцию катализатора, содействуя процессам «усиленного смыслообразования». В силу этого всякое культуротворчество необходимо принимает диалогический характер;

- в-третьих, что особенно значимо для изучения процессов интеграции в культуре, ей присущ механизм «пересечения» культур, их взаимного влияния. Внешняя культура, чтобы вторгнуться в наш мир, должна «подвергнуться переименованию», «выразиться на языке внутренней культуры». Процесс этот тем сложнее, чем отдаленней по своей природе иная культура.
- Кроме того, с точки зрения Ю. М. Лотмана, культуры с той и с другой стороны обладают четкой и

строгой организацией. В момент, когда они оказываются втянутыми в общее семиотическое пространство, происходит взрыв, приводящий к резкому возрастанию информативности всей системы. Развитие культуры в этот период переходит на новый, более сложный путь. Доминирующий элемент, который возникает в итоге взрыва, определяет будущее состояние культуры.

Таким элементом может стать любой элемент культурно-семиотической системы. Что важно - на следующем этапе возникает предсказуемая цепочка событий. Разнонаправленность сменяется закономерностью, и культурный процесс, перейдя на новый уровень, вновь стабилизируется в семиотическом равновесии.

Следовательно, обмен с внесемиотической сферой образует неисчерпаемый резервуар динамики культуры. Эта динамика, согласно Лотману, «не поддается законам энтропии, поскольку постоянно воссоздает свое разнообразие, питаемое незамкнутостью системы».

В целом, проблематику семиосферы можно справедливо назвать масштабной. Так как семиосфера трактуется Ю. М. Лотманом как сложная иерархия семиотических пространств или как отношения «центр – периферия» культурного универсума, то через систему подобных представлений могут быть осмыслены такие направления культурной интеграции, как: типология культур; межкультурный диалог; механизмы заимствования и взаимовлияния культур; обмен текстами между культурами как механизм смыслопорождения (например, в культуре принимающей).

Исследуя проблемы методологии истории, ученый само взаимодействие различных типов культур, культурных кодов, текстовых потоков осмыслял как внутренний механизм исторического процесса.

С его точки зрения тексты культуры инспирируют и моделируют не только произведения искусства или их противоречивые прочтения аудиторией, не только формы бытового поведения и структуры повседневности (так, Лотман анализировал дуэли, обеды, светские рауты как особого рода нормативные тексты), но и сами исторические события – результат сложного «сканирования» культурных текстов.

Ю. М. Лотман рассматривал культуру так же и как генератор кодов, считая, что культура заинтересована во множестве кодов, что не может быть культуры, построенной на одной коде. Следовательно, все явления культуры трактовались ученым как разного рода коммуникативные механизмы, то есть как разного рода языки.

Важно отметить, что культурологические идеи сам ученый претворял в практической педагогической работе (в течение долгих лет Ю. М. Лотман заведовал кафедрой русской литературы в Тартуском университете). Как свидетельствуют близко знавшие его люди, для самого Лотмана преподавание и занятие наукой (обе составляющих были неразрывны и перетекали друг в друга) были органической частью его жизни. Так, даже будучи смертельно больным, в весеннем семестре 1993 г. он читал лекции, за месяц до кончины диктовал статью и давал интервью. О научной активности Лотмана красноречиво свидетельствует список его печатных трудов: с 1961 по 1976 гг. им было опубликовано 322 работы. Большинство статей стали классикой литературоведения и семиотики.

Одним из главных принципов педагогики Лотмана был синтез учебной и научной работы — не только в собственной деятельности, но и по отношению к коллегам — преподавателям и студентам.

«Мы учим этике!» - так сформулировал Ю. М. Лотман свое педагогическое кредо. Результаты научной деятельности, при всей их важности для Лотмана, никогда не заслоняли для него, как заведующего, критерия личной порядочности, осознанной и выраженной этической позиции.

В одной из своих многочисленных статей на педагогические темы он пишет: «Я не считаю, что можно разделять обучение и воспитание, видя в них две различные педагогические задачи. Обучение подразумевает, что один хочет учить, а другой хочет учиться. То есть любому акту обучения обязательно сопутствует настройка учителя (самовоспитание) и настройка ученика (воспитание). Для того чтобы ученик хотел получить то, что ему хотят передать, нужно, чтобы ему было интересно. Но только интереса мало: необходимо доверие учеников учителю. Часто одно

фальшивое слово, нарушенное обещание, некрасивый недобросовестный поступок убивают доверие и воздвигают стену между учителем и классом. Ученики оценивают не только то, что говорит учитель, а всю его личность и именно своей личностью, человеческим обликом как в классе, так и за его пределами, учитель оказывает основное воспитательное воздействие на учеников» (Цит. по: Киселева Л. Ю. М. Лотман – заведующий кафедрой русской литературы // <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/kiseleva03a.html>).

Подготовку учителей русского языка и литературы Ю. М. Лотман воспринимал как одну из миссий своей кафедры. По его убеждению, университет должен стать той средой, в которой могли бы существовать интеллигентные, порядочные, образованные люди. Созвучность его культурологических концепций (культура как память, семиосфера) и жизненных установок очевидна.

Анализ культурологических идей Ю. М. Лотмана позволяет сделать важные для изучения сущности интеграционных процессов в культуре выводы:

- Любая культура целостна и неделима, и вместе с тем, открыта к общению с другими культурами. Понятие «коммуникации» принципиально для определения самого понятия культуры.
- Формы межкультурного общения могут быть различными. В том числе, культуры общаются друг с другом излучаемыми собственными образами, как специфическими межкультурными «коммуникаторами».
- Взаимообщение культур представляется системой направленных друг на друга зеркал, в которой создается особый эффект, свидетельствующий о том, что существует возможность единой общечеловеческой культуры.

Литература

Труды Ю. М. Лотмана:

Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964 (Труды по знаковым системам. Вып. 1).

Структура художественного текста. М., 1970.

Анализ поэтического текста. Л., 1972.

Статьи по типологии культуры: В 2 т. Тарту, 1970-73.

Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн, 1973.

Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975.

Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1982.

Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983.

Сотворение Карамзина. М., 1987.

В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.

Культура и взрыв. М., 1992; Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992—93.

Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII — нач. XIX века). СПб., 1994.

Диалог с экраном. Таллинн, 1994 (совм. с Ю. Цивьяном).

Пушкин. СПб., 1995.

О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 1996.

Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.

Карамзин . СПб ., 1997; Письма . М ., 1997.

Universe of the Mind: a Semiotic Theory of Culture. L; N.Y., 1990.

The Semiotics of Russian Culture. Ann Arbor , 1984 (совм. с Б. А. Успенским).

The Semiotics of Russian Cultural History. Ithaca, 1985 (совм. с Б. А. Успенским и Л. Я. Гинзбург).

Работы культурологов и философов:

Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

Зиммель Г. Избранное. Т. 1: Философия культуры; Т. 2: Созерцание жизни. М., 1996.

Морфология культуры: структура и динамика. М., 1994.

Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М ., 1991.

Brantlinger P. Bread and Circuses: Theories of Mass Culture as Social Decay. Ithaca ; L., 1983.

Landecker W. S. Types of Integration and Their Measurement // American Journal of Sociology. 1951. V. 56. № 4.

Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. N. Y., 1962.